

О.С.Э.ММ

То звездам прямо не ходят

части
1-2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

О. Сэ.Ми.

**По звёздам прямо не ходят.
Части 1-2 под редакцией и
с иллюстрациями автора**

«Автор»

2024

Сэ.Ми. О.

По звёздам прямо не ходят. Части 1-2 под редакцией и с иллюстрациями автора / О. Сэ.Ми. — «Автор», 2024

Когда нет целостности и неясен смысл — предстоит Путь. Придется вскрыть старые раны и обрести новые шрамы, чтобы по-настоящему изучить себя и все грани мира. Но готов ли ты принять правду? Возможно, главный твой враг и лучшие друзья всегда были внутри тебя? Эта книга о многогранности личности и тяжелой дороге к познанию самого себя. О том, что больше всего ранят близкие люди. И нет ничего важнее правды, принятия и самой жизни.

© Сэ.Ми. О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Книга 1	5
В лесу стальных нарциссов	6
Дворец Ели	11
Калейдоскоп осколков	18
Междупутье	19
Чащоба Запустенья	22
Таверна ПТАН	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

По звёздам прямо не ходят. Части 1-2 под редакцией и с иллюстрациями автора

Книга 1

Лёли смотрел в окно.

Там были серые тополя на фоне такого же неба. Тут – зелёные листья бамбука, пуансеттии, орхидеи, мяты и лимона.

Если прищуриться и немного отойти в сторону, чтобы сочный лист закрывал слепящий фонарь, – вполне себе вид на Центральный парк Нью-Йорка.

Триктрак.

* * *

Он проснулся в каком-то пустом помещении. Постепенно гул в ушах свёлся в тишину, а расплывчатые пятна – в предметы. Никакого понимания кто он, где, почему и что собирается делать.

«Что ж. Будем разбираться по ходу пьесы», – подумалось, словно кем-то другим.

«Что у нас тут?». Рассеянный полусумрак, столы, стулья, деревянная лакированная стойка, в углу массивные бархатные диваны с ворохом сваленных одеял и подушек. Когда-то здесь былолюдно, судя по добротности. Поблёкшие выцветшие стены, мутное зеркало в витой барочной раме. Надо осмотреться и приняться.

«Та-ак, а вот это уже интересно», – из серо-коричневого капюшона торчало одно рыжее лисье ухо с хрустальной серьгой со звёздами, а второе – скорее волчье, чёрно-серое. Как только он попытался бросить взгляд в зеркало, чтобы увидеть своё лицо, тут же верхнюю часть закрыло геометрией пространства времени, тетраэдрической матрицей, образующей бесконечные скалярные уровни кубооктаэдров. «Дерево жизни идеально отображает решётку 64 тетраэдров, где 64 – это наименьшее количество тетраэдров, необходимое для того, чтобы начал формироваться этот фрактальный узор из двух уровней кубооктаэдров на планковском субпланковом масштабе крошечных сферических осцилляторов[4]¹», – ухмыльнулся он.

«Это что за прямое включение сейчас было?!» – сам подумал и завис.

Внезапно дико захотелось спать. Оглянувшись в поиске места, где можно удобно и безопасно устроиться, заметил дверцу шкафа-холодильника. Там, среди прочего, нашлась печёночная котлета, а на столе лежала открытая пачка с хлебцами, рядом с ними остывал чайник.

Перекусив, Лёли с носом забрался в ворох подушек и одеял и начал проваливаться в сон. Это всё срочно нужно было переварить и переспать. Мутило. То ли его, то ли пространство. Кругом какая-то расстроенная зыбь. Всё одновременно и есть, и нет, было и не было, но пока будет.

¹ Бакминстер Фуллер – векторное равновесие. Нассим Харамайн – пространство-время. Анимация из фильма Black Whole. Прим. авт.

В лесу стальных нарциссов

В небо вздымались стволы огромных нарциссов, гордо неся белые купола маковок. Внизу, под задымлённой сеткой, воняло гнилью болот, и слышно было, как с причмокиванием чавкали присоски-пиявки. Вверху парили, искрясь и сверкая коронами и крыльями стрекозы. Живущим на листьях их жизнь и они сами казались идеально прекрасными.

– Опять улетел?! – раздалось звоном в ушах рывканье матери – смотри, дозадираешь голову вверх, свалишься вниз в болото и будешь кормом для пиявок и корневищ. У нас на листьях работать принято, а не в облаках витать. Ууу, лисья порода.

Серая злая волчья морда женщины ослабилась, лягнув зубами. Нестерпимо заныли глазницы от впившихся осколков оправы очков. Все верно, кроме неё он никому не был нужен. Кто ещё, кроме матери, правду скажет. А она вон всю жизнь на него положила, чтоб на лапы поставить, и сама пахала с утра до вечера в листовом цеху, управляла станками и толпой тупых бездельников.

Несладко ей пришлось, много разных историй она рассказывала о своей жизни, но почти ничего об отце, деде и других родственниках. Он никогда не знал, что и когда от неё ожидать. Почти всегда он продумывал несколько вариантов развития разговора, возможных вопросов и ответов, но никогда не угадывал. Мать всегда виртуозно обыгрывала его в этой игре.

«Две несчастных сиротинки побежали по тропинке» – говорили они и тащили санки с ворохом капустных кочанов по ночному полю. Вокруг где-то горели огни. «А вот жили б мы в этом доме, – сейчас бы уже пришли», – хохотали они и валились в сугробы вслед за санками и разлетевшимися кочанами.

Он всегда дико боялся ночи – из неё лезли бесконечные страхи – поэтому прибегал к матери с подушкой и забивался в угол, знал – не выгонит. Она тяжело вздыхала, но не ругала. «А Расскажи про блямблямчиков и щюрепопиков», – просил он и проваливался в сон.

Об отце он мало что помнил, тот приходил пару раз. Красивый, смешливый, он рисовал червяка, пролезающего через бритву, и мишку, лезущего на дерево. Лёли тоже рисовал.

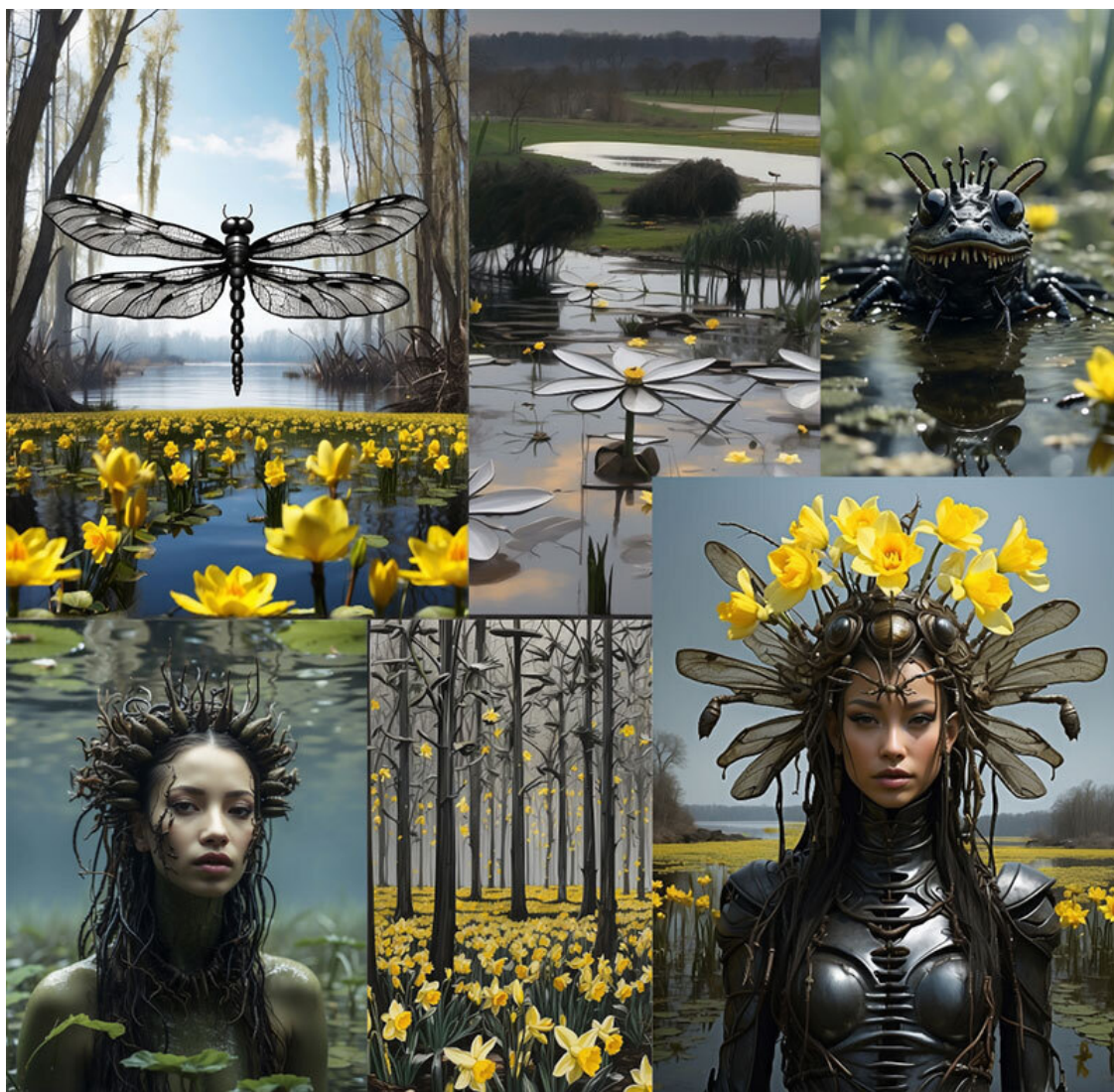
– Смотри, – говорил он отцу, – сейчас я нарисую тебе за минуту «Последний день Помпеи[5]¹». Несколько квадратов зданий, кругов-голов и луч, пронзающий небо.

– Оп-па, готово!

– Ого! – воскликнул папа и уважительно взглянул – и правда, меньше минуты!

В школе он всем говорил, что его папа умер, разбился. Рисовал на скалах и когда стал отходить, увлекся пейзажем и картиной, оступился и упал со скалы. Тело так и не нашли.

Быть таким, как все с детства не умел[6]¹. Он часто подбивал на шалости одноклассников и товарищей в детских лагерях, куда его постоянно ссылали на каникулы, но почти всегда все сходило ему с рук. Да и ничего особенно плохого они, в общем-то, и не делали.

¹ Картина К. Брюллова. Прим. авт.

¹ Киш «Прыгну со скалы». Прим. авт.

Впервые он пересёкся со стрекозами там, где слушали музыку и танцевали. Они выделялись, были другие. Это был «возраст полуфабрикатов» – когда ещё до конца не ясно, что из кого может вырасти, но некоторые данные слепили так, что впору было отводить глаза. Он не отводил, а наоборот, склонял голову набок (была у него такая привычка, чуть клонить левое ухо) и молча смотрел. Его времяпрепровождение тогда было таким, о котором позже Сиа написала *Chandelier* – тусовки, наряды, танцы на барных стойках. Понедельник, вторник и среду вроде ничего не было, а четверг и пятница-суббота-воскресенье как один день. Мать рычала, но ничего поделать не могла. Днём он учился и работал, а ночью летал и сверкал.

Он никогда не чувствовал, что его место тут, на листьях, между тем миром и этим. Здесь в те странные времена можно было всё, ну или почти всё. О нём ходили истории одна невероятнее другой, потому, наверное, что он умел быть своим почти в любой компании, любил веселиться, обходясь без алкогольной зависимости и наркоты.

Музыка и танцы, снова танцы и музыка. И люди, – разные, необычные и особенные, – он всё время их искал и так и не находил. Все по сути оказывались обманками, чуть копни поглубже и поближе посмотри. Но Лёли не сдавался. Он искал. Своих. Тех, с которыми можно было соприкоснуться не одной стороной фрагмента пазла.

С кем-то легко было сорваться с места, веселиться и тусить, с другими можно было помогать, философствовать и грустить. Кто-то рассказывал ему о литературе, другие о математике, мозге или искусстве. Но ни с одним или одной из них нельзя было совместить всё, все интересы или хотя бы несколько. Лёли искал. И не находил. Поэтому в своих поисках он забирался всё дальше и дальше.

Однажды он встретил старого одинокого волка по имени Каскыр. Силища у него была по-настоящему волчья, матёрая. Немногие осмеливались не то что подойти к нему и заговорить, а просто кинуть взгляд в его сторону, – разорвёт. Лёли тогда прилетел с какой-то очередной ночной гулянки, весь взъерошенный, и сбивчиво взахлёб рассказывал кому-то о том, что

вчера буквально читал «Куклу» Болеслава Пруса и видел своими глазами ровно то же самое в жизни. И как забавно, что всё вновь и вновь повторяется. Каскыр усмехнулся, окликнул его и пригласил за свой стол.

– Нечасто в наше время встретишь юношу, знающего Пруса, – произнес волк. И они, зацепившись языками, проболтали до утра. Давно это было, о многом важном и не очень они говорили тогда. Однажды разговор с Каскыром шёл особенно тяжело, но к утру тона речи немного оживились. – Знаешь, – сказал ему Каскыр через пару дней, – тогда я держал в лапах пистолет и хотел спустить курок. Но пришёл ты, и как-то отлегло.

А потом Каскыр пропал. И спустя много лет Лёли получил от друга Каскыра письмо, из которого узнал, что волк умер.

Дворец Ели

Все старики всегда хвалят прошлое, все юнцы – мечтают о будущем, а взрослые вкалывают здесь и сейчас в настоящем. Он не хотел ни один из этих вариантов. Ему нужен был свой путь. Лёли и рад бы был встретить наставника и проводника, кто бы взял его за руку, со всем и всеми познакомил, рассказал, что, где и как. Да хотя бы, блядь, объяснил, что тут, нахер, происходит, и к чему всё движется. Ну нихера же непонятно, ей ж богу! Но то ли не свезло, и они ходили разными путями, то ли такого проводника просто не существовало. И четыре вечности, помноженные на четыре мира, отнюдь не подтверждали обратное.

«Ты не построил на земле безумно дивный чудный город», – пел Павел Кашин. Снова, как всегда внезапно и неожиданно, в голове пронеслись мысли о Ели. Что их вызывает, Лёли никогда не мог предугадать. Слава Богу, со временем это происходило всё реже и реже, но всё так же порой он нутром чуял приближение воронки, затягивающей в бездну-пропасть, из которой он до сих пор не был уверен, что выбрался.

Да, когда-нибудь уже пора собраться с духом и написать про Дворец. Там было великолепно. И больно. Там его убили. И там он думал, что обрёл семью, свой дом, место, где он сможет начать новую жизнь, стать лучшей версией себя, – чище, правильной, идеальней и прекрасней, чем он мог когда-либо быть. Что его, гадкого утёнка, приняли в свою стаю прекрасные лебеди, что он наконец-то любит и любим. И всё будет хорошо. Ели так ненавидел эту фразу, что его аж трясло, – подумал Лёли и усмехнулся. Привычка не обидеть, случайно ничем не задеть его, не сделать больно. О! Ни за что. Никогда и ни за что на свете он бы не предал и не подвёл ни его, ни столь любимого им Духа Рождества.

Всё, что ни говорил и ни делал этот прекрасный, взъерошенный, упрямый ворчун вызывало у Лёли только улыбку. Он принимал его всего целиком и полностью, без каких бы то ни было «но», со всеми достоинствами и недостатками, когда если убрать хоть что-то, это уже не будешь ты.

– Понимаешь, вихрун? – говорил ему Лёли, расплываясь в улыбке, как подтаявшее масло. Упрямый, педантичный перфекционист, резкий и непримиримый к чужой глупости и невежеству и в то же время заботливый, внимательный, полный любви и доброты, изысканный и утончённый, с совершенным чувством прекрасного, одновременно мужественный и хрупкий, сильный и ранимый, скрупулёзный и щедрый. Беспощадный критик себя и других и тут же всё понимающий и всепрощающий. Великолепный знаток и ценитель балета, классической и джазовой музыки. О, сколько удивительных шедевров открыл для себя Лёли благодаря Ели. Как же подолгу и с упоением они гуляли по паркам и скверам обожаемой Ели Вены, под звон трамвайчиков, между скамеек и кустов роз.

А потом они бродили по почти забытой Москве и её бульварам с Духом Рождества. Он слушал, как Лёли вопил от восторга после спектакля «Служанки» Виктюка, и смеялся, когда тот урча уплетал пирог с кроликом в «Штолле». «А вот здесь поверни направо и посмотри вверх. Видишь тот дом, стены которого сплошь из удивительных зверей? Вот там, если спуститься по трем лесенкам вниз, будет мой любимый старый нотный магазинчик...». И дальше следовали всё новые и новые удивительные истории, и казалось, что им нет и не может быть конца. Дух Рождества был тот ещё Шахерезад, только прекрасней, умней и горячее во сто крат.

Как рассказать о любви? Как описать счастье? Нет и не придумано таких слов, и для всех они будут разные. Лёли любил Дух Рождества, своего Рожди. Их встречи на окне сводили с ума. «И ты отвечала: ещё бы! И как мы заплакали оба, как вскрикнула жизнь на лету[7]¹». Бархатные мурлыкания Рожди пьянили и горячили всех без исключения окружающих, всё пахло сексом и превращалось в секс. Любое, самое невинное, слово одурманивало так, что изменяло саму бытность сознания. Красота, интеллект, страсть, юмор и секс, каждый дюйм роскошного мускулистого тела как произведение искусства, – Рожди был создан сияющей звездой, он – Творец.

Лёли впервые с ним ощутил, что от смеха живот может действительно надорваться и лопнуть. Однажды его занесло на концерт какого-то стихоплёта, который что-то патетически декламировал. Лёли старательно строчил сообщения Рожди, и тот буйствовал. «Это попытка. Тебя пытаются. Отползай. Где ты? Мы тебя теряем! Скорую! Он уже начал про Элли и Тототку? Это будет гибель, отмучался наш попугай Флобер. А если идёт снег, то Божечка размораживает холодильник!..» Лёли давился смехом, пунцовел, не слышал и половины стихов в тот вечер, еле дотянул до антракта и сбежал, всхрюкивая и утирая слёзы. Утром истории и лекции, вечером – смех, ночью – секс. Оо, искусством доводить до исступления Рожди владел виртуозно и мастерски, накаливая градус и дирижируя захлестывающими тебя волнами.

Случайно познакомившись, они быстро подружились. Сначала в окно тёмной комнатки, где прятался ото всех Лёли, заглянул, хитро прищурившись одним глазом, Дух Рождества, и они стали болтать и ржать до упаду. Потом ревниво подтянулся Ели. Лёли даже и смотреть не думал в сторону этого неземного красавца-божества, высокомерного перфекциониста и максималиста. Однако Рожди слишком много времени проводил в этом оконце, и Ели решил педантично выяснить, что тут происходит. Расчленил и разложить, расставить по своим местам, как чашки в его шкафу, повернутые все ручками в одну сторону. Но Лёли как-то плохо вертелся, да ещё и раз за разом разворачивался, стоило только Ели отвернуться от него. Тот упрямо сопел и вертел обратно. На самом деле Лёли страшно шугался Ели и ныкался по углам (можно даже сказать ссался, одновременно от страха и восторга). Ели с упорством и ловкостью маньяка

¹ В. Набоков. Прим. авт.

обходил одни флажки за другими и подбирался всё глубже и ближе. Иногда Лёли чувствовал себя подопытным хомячком или подготовленной для препарирования лягушкой, а то и разложенной для жарки курицей на противне. Кхм, что-что, а жарить Ели умел. И ещё как.

Ели был безбожно юн, умён и красив. Лёли боялся и любовался им одновременно, и самозабвенно изучал, как чукча тропическую бабочку, невесту как залетевшую в его чум. Сравнение с бабочкой привело бы Ели в истерику, у него была инсектофобия, – он до ужаса боялся всех этих мерзких и отвратительных чешуекрылых.

Лёли часто шёл за своими лапами, – куда они, туда и он, – витая в своих мирах и мыслях и не включая голову. Когда-то примерно так же, в одно из очередных гуляний с менадами, он оказался во Дворце. Дамы были навеселе, шушукались и хохотали переглядываясь, и рассказывали, что, мол ходят слухи, что это Дворец Синей Бороды. «Да мы таких синебородых на завтрак ели!» – и они пошли.

Вечеринка была в разгаре – гости, музыка, шум и гам. Лёли бесцельно бродил по залу. Высокие потолки, искусная лепнина, тяжёлые бархатные гардины на окнах в пол. В одном из полутёмных закоулков за портьерой обнаружилась неприметная дверка, в замке торчал ключ. Он повернул ручку, открыл, пролез в неё и очутился в тёмной тихой камерке. Гул и грохот пиршества сюда почти не доносился. Посреди комнатки стоял деревянный стул, в стене напротив было окно. Лёли подошёл, протёр пыльные стекла и увидел свет, зал и всех, веселящихся и смеющихся, как обычно. А он так устал. Он подвинул стул и деревянный паркет скрипнул, – трак. Лёли сел ровно, сложил лапы на колени и стал просто смотреть.

Падал мягкий свет, искрились и летели откуда-то сверху рождественские звёзды, одевая в блистающий плащ, стоящую до этого времени в углу неприметно, огромную Ель. Звёзды всё кружились и падали, и Ель переливалась и неуловимо менялась. И тут Лёли увидел его душу. Да, это был Он. Прекрасный принц, заколдованный проклятием матери в колючее дерево, по имени Ели. Стоял, изображая веселье с отчаянием в печальных холодных и отстранённых серо-голубых глазах. Было видно, насколько отвратно ему всё, что он должен делать. И казалось, этого никто, кроме Лёли, не замечал.

Гости начали водить вокруг него хороводы и напевать. Несколько раз что-то промелькнуло среди падающих без конца звезд с небесно-голубого потолка. Одна звезда отделилась – её свет был ярче других, – и шлейф был похож на комету с тёмно-зелёными развевающимися фалдами хвоста. И тут из света выступила статная мужская фигура. Прекрасный голос пел что-то на фарси, протяжно и грустно, рассказывая неведомую историю, словно армянский дудук. Весь зал замер. Чудо захватило всех. Лёли увидел, как Дух Рождества и Ели незаметно перемигнулись и начали свой завораживающий бразильско-восточный танец, одновременно вплетая его в отточенное танго.

Гости зашушукались, а Лёли не мог оторвать глаз. Это была любовь. Он и раньше любил, но так – никогда. Это была смесь упоения и восхищения, абсолютно искренняя, невинная и насквозь порочная. С этими двоими тянуло делать одновременно всё. Трахаться, варить борщи, ходить в музеи и кино, танцевать, смеяться и плакать, молчать, читать, гулять, заваривать чай, если заболели, делать ремонт, по-детски дурачиться и встречать старость, сидя втроём в креслицах у моря. Но тогда Лёли еще этого не осознавал. Он зачарованно следовал взглядом за невесомо и величественно скользящей по паркету, словно лебеди по водной глади, парой. Вбирал единые движения, одновременную изящность и брутальность, вышколенную чёткость и безбашенную свободу. Словно ангел и дьявол перемешали в них свои свет и тени, – и получилась эта ядерная смесь. И вместе и по отдельности это были идеалы мужчин. Лёли смотрел во все глаза и хотел лишь одного – быть как они. Никогда никого не встречал он на свете совершеннее и прекраснее.

«А постучу-ка я им в оконце. Пусть лучше окатят меня волной презрения, засмеют или отвернутся, чем и дальше жить, чувствуя эту поверхностную чушь и фальшь».

– Привет! – услышал Лёли и ошарашено отпрянул от окна.

– П-привет! – пролепетал он, одновременно подыхая от нахлынувшего страха, восторга, счастья и куража.

Две пары любопытных глаз уставились на него с той стороны окна.

– Я – Дух Рождества, а этот насуспенный вихрастый ёлк – Ели.

– Очень приятно, – процедил Ели сквозь зубы вежливое приветствие, явно записав Лёли в свою тайную книжечку приговорённых к долгой и мучительной смерти. Туда он вносил всех, кто осмелился заговорить с его Королём Азратэлем (так по-настоящему звали Духа Рождества, но – тсс, этого никому нельзя говорить. Никто не должен знать, особенно твои подруженьки, злобные, завистливые, недалёкие и болтливые курицы). А Ели на самом деле звали Еланвидер, и этого тоже никому нельзя было говорить.

Зато с ними можно было говорить обо всём. Они садились напротив окна и болтали часами, сменяли ночи и дни напролёт, превращая недели в месяцы и годы. «Моя любовь к тебе сейчас – слонёнок, родившийся в Берлине иль Париже», – смеялись они и наперебой читали наизусть себе и Лёли Гумилёва.

Сначала они спелись с Рождиком. Одной из любимых была тема восхваления Ели, пока тот не слышит, иначе он всё отрицал, супился и ругался. Лёли любил их любовь. Это тот редкий случай, когда двое беззаветно и без оглядки любят друг друга, и ничего более закономерного и естественного быть на земле, да и на небе, не могло.

– Ночные разговоры всегда интереснее, – мурчал лукавый Рожди.

– Вот представь, ты стоишь у окна, а я читаю тебе почти беззвучно, одними губами, едва касаясь шеи сзади: Ненааадооплаааать. Видишь, там – звезда, там – над листвою, справа. Ах, не надо, прошу тебя! О чём я начал[8]¹, – ууфф, притча о Еве и змее обретала прямо-таки подлинную плотность и осязаемость.

Они много говорили. О жизни, о прошлых воплощениях Рожди и тех историях, что его рассказами оживали на стёклах. Потом Духу надо было улетать, и он оставил Лёли приглядывать за своим Ели, – тот без него начинал хандрить. Боевой вихор понуро падал, и Ели начинал сворачиваться в кривую, становясь всё меньше и меньше. Коварный Рожди знал, против чего не сможет устоять его ненаглядный, – это питание и воспитание.

Лёли не умел готовить. Никак. Ничего. Совсем. Мало того, он ненавидел это делать. А, как правило, всё, что он ненавидел, но делал, получалось у него из лап вон плохо. Ели же готовил как Бог. Потрясая воспрянувшим деловито вихром, Ели преисполнился намерения заняться Лёлиным воспитанием, раз уж никто не смог или ни у кого, по всей видимости, лапы не доходили. Начать он решил с готовки. Лёли радостно и вдохновлённо кивал и внимал.

В составлении методичных инструкций и неукоснительном соблюдении равных Ели не было. И Лёли начал готовить. Он, нах, сам себе не верил, но носился по велению Елиных лап по магазинам, в которых до тех пор в жизни своей не бывал, в поисках каких-то разъёмных форм и керамических кастрюль для запекания («Господи, чего ж только на свете не придумают», – ворчал про себя Лели). Купил себе ноутбук.

– Это ещё что за новость! Две пар брюк на одну пятую точку не наденешь. И без пятой пары своих дедкиных черевичек обойдешься. А ноутбук для работы должен быть! Как и измеритель сахара и давления, – говорил Ели. Да, браться за дело он умел. Лёли фырчал, пыхтели млел.

Никогда в жизни он не был так идиотски счастлив, как когда Ели его отчитывал: «Ну как, ты мне объясни, КАК можно резать одну луковицу целых 8 минут? Да, я засёк время». А потом они вместе гордились и хвастались шедеврами, приготовленными Лёли по рецептам и под неусыпным руководством Ели.

¹ В. Набоков. Прим. авт.

Время шло. Дух пропадал всё чаще и дольше. Ели медленно, но верно занимал в жизни Лёли всё больше места, времени и пространства. Он был глубоко надломлен, как и Лели, только Лёли это в себе отрицал и даже мысли о слабости подавлял, никому этого не показывал. Только Ели. Ему он впервые признался, что, когда мать при живых отце, тётях и бабушках сдала его в интернат, каждый день другие дети говорили, что его больше не заберут. Что он врёт, и нет у него никого, потому иначе он здесь бы не оказался, и что теперь он тут навсегда. Как жил то у одной бабушки, то у другой, а потому каких-то маминых подруг. Как гулял по разрушенным домам, ползал и изучал мир по помойкам. Сколько он сменил школ и садиков. Сколько было новых людей. И что у него никогда не было настоящего дома.

Ели искренне ненавидел себя, а Лёли пытался переубедить его, перебороть эту ненависть своим искренним восхищением и обожанием. И сам не заметил, как они договорились до пляжа и пальм, и как Ели начал рассказ о музыке и запахе зелёных апельсинов, и как случилась ночь. Первая среди многих ночей и дней, про которые не рассказывают внукам и детям. Лёли не считал, что они делают что-то предосудительное, но Духу почему-то всё равно об этом не рассказывал. Хотя и был уверен, что тот всё знал, ведь Ели ему рассказал. Как и Рожди всё рассказал Ели про их дружбу на окне и не только. Но всё это не имело никакого значения, просто вот такая любовь.

Лёли распускался как цветок, это чувство его переполняло. «Я люблю мужчину. В очень странных обстоятельствах. Эта любовь похожа на мою любимую музыку фаду и слово «саудади[9]¹». Он сам как музыка, от которой душа поёт, и сердце распускается пламенеющими лепестками, за спиной вырастают крылья, а в глазах и уголках губ играет самая нежная из всех улыбок. Я впервые настоящий. Самая подлинная из всех версий, которая не пытается казаться, а желает просто быть. Люблю его тело, разум и душу. Непереносимо его люблю. Не боюсь доверять. Безоговорочно и без сомнений. Наверное, впервые в жизни. Я счастлив от того, что счастлив он, и страдаю, когда ему плохо. И хочу жизнь отдать за него. Потому что верю – он лучший, и сможет изменить этот мир.

Они с Ели гуляли и готовили, весь мир Лёли был там. С ним. За стеклом. Всё другое перестало существовать. Балет, музыка, немецкий язык, который учил Ели, литература, рецепты, – вся Елина каждодневная жизнь. И нужность. Его, Лёлина, Ели нужность. Стоило чуть задержаться, Ели уже нетерпеливо постукивал в стекло и вопил: «Ну ты де? (голосом кота, из обожаемого обоими рассказа – «Тятя ты де был? а я лишился...») Я всё посчитал, ты должен был вернуться семь минут назад. От остановки до дома шесть, ну хорошо, семь с половиной минут, ещё три минуты, чтобы вымыть руки и переодеться, и уже две минуты как ты должен сидеть тут. А тебя нет! И шарф мне не сфотографировал и не прислал, а значит, опять гулял и его не надел!»

Когда Ели было плохо, он просил Лёли, чтобы тот рассказал ему сказку, перенес их в маленький белый домик на берегу океана, с синей дверью и белыми кружевными занавесками на окнах.

«Только не дари им никому тюльпаны. Не дари ни один тюльпан[10]¹».

Так они и жили. Дух Рождества вечно витал где-то по своим проектам. Иногда весело и разбойно вносился и устраивал пирушечно-безалкогольный кавардак, после которого Ели всё убирал и оттирал белой тряпочкой, а Лёли, веселясь, наблюдал за этим через стекло.

А потом, Лёли даже не заметил когда и не знал, почему и как, – счастье кончилось. Он думал, что дальше просто, но он не спасся от самоубийства, хотя бродить по шляхам жёлтым и длинным стал, ой, как стал[11]¹.

¹ Португальское слово, которое не имеет эквивалентов в других языках. Примерное значение – «тоска любви». Прим. ред.

¹ Надежда Птушкина. Прим. авт.

¹ Переиначенная цитата стиха И. Бродского. Прим. ред.

Если бы Лёли только знал, как быстро Рожди уйдет, и всё закончится, он впитывал бы всеми клеточками, записывал каждое слово, чтобы бережно хранить и ничего не забыть. Но Лёли просто растворился в этом безбрежном и окутывающем его счастье.

Он тогда уже полностью попал под власть Ели, и не сразу заметил, как Дух молчал и тосковал. Как краски вокруг и карие лукавые глаза его тускнели. И однажды он, попрощавшись, исчез. Ушёл. Дух не может жить в нужде, он теряет крылья и способность летать, утрачивает свою суть. Тогда Лёли этого не понимал.

Ели был разрушен. И всё вокруг рушилось и кричало вместе с ним от нестерпимой внутренней боли. Трескались стены замка, разлетались на куски стёкла, мир попросту ломался на части. Ели молчал. А когда говорил, то все, даже самые обычные слова отравляли всё живое вокруг ненавистью. Тогда Лёли узнал, как может быть зол и жесток его прекрасный принц.

Лёли всё чувствовал и ничего не мог сделать. Его топило. Он думал, что поможет Ели выплыть, поэтому плыл, барахтаясь в этом шторме сквозь ранящие его обломки, к Ели. Пытался подставить ему дощечки или плечо, – только бы он не утонул, только бы не утонул!

Однажды, когда Ели пропал, Лёли сидел один на полу в тронном зале перед тёмными пустыми окнами и просил, сам не знал у кого, как умел, – спаси Ели. Забери меня, мою жизнь, здоровье, удачу и всю благодать, положенную мне, и отдай ему. Только не его, пусть он выберется и живёт дальше. Он ведь так прекрасен. Выше, чем все идеалы. Он должен жить! Так прошло три ночи. Ели вернулся. Живой, но слабый, он был в больнице, операция, ливер. А Лёли слёг. Три отита подряд (бедные лисье-волчьи уши), боль, пронзающая мозг и отключающая, температура и снова боль. Потом нервный срыв, угроза гипертонического криза, санаторий, белое ледяное безмолвие. Между землей и небом нет линии горизонта, тёмная вода, чёрная река. Переломанная лапа. А потом всё.

Словно с Духом Рождества ушла радость. И любовь. Лёли как мог старался поддерживать своими маленькими лапками рухнувший мир своего красавца-гиганта. Но тот мрачнел, становился всё злее и колючей. Вместо бодрящего запаха хвои, по залу витал вкус тлена и смерти.

Ели начал коллекционировать разных людей, – пустых, хамоватых, глупых, сомнительных и совершенно ему не подходящих, не его уровня. Он непрерывно устраивал какие-то сборища, водил к себе экскурсии, бесконечно со всеми общался, всё время тратил на них. Водил в свою элегантную залу с роскошным убранством немыслимой чередой ватаги крестьянских детей из округи. Среди них попадались те, кто обзывал Ели и кидал в него камни. Скаля зубы, Лёли кидался на мальчишек, которые орали Ели, что он зелёная хвоя.

Всё реже и реже Ели подходил к окну. А Лёли всё сидел на стуле в своей снова ставшей пустой и тёмной камере с голыми стенами и ждал его. Смотрел, как менялись фавориты. «Все красавцы расписные, великаны удалые, все равны как на подбор[12]¹». Где-то только затерялся дядька Черномор. Новая сказка всё не клеилась.

Потом в Ели снова начались перемены. Лёли сидел и с удивлением взирал, как принесли и поставили в кадке пальму. Она была раскидиста, безумно титулована и хороша, даже какой-то там по счёту самой красивой в мире. Ели приосанился, начал плющить иголки и даже пытаться ими шелестеть, поднимая лапы кверху, бесстыдно оголяя ствол. Их встречи и разговоры с Лёли становились всё отстранёнее, поверхностнее и реже. Они скатились до просмотра детективных сериалов, на которых Лёли постоянно засыпал. Всё куда-то катилось.

Лёли уже и не помнил, что тогда на него нашло. Ему так отчаянно хотелось быть красивым для Ели. А поскольку он видел, как хороша Пальма, то решил, что и он, нарядившись в пальмовые листья, станет для Ели красивей. Мерцали и отражались в Лёлиных глазах и оконном стекле гирлянды, огоньки и свечи. Он пригласил Ели и, подгадав, когда тот подойдёт к

¹ А. С. Пушкин. Прим. авт.

окну и его увидит, со всей силы закрутился, как волчок. Пальмовые листья и огоньки взметнулись и опустились. Лёли остановился, радостно взглянул на Ели и увидел, как того трясёт.

– Да как ты смеешь! Убирайся вон! Что ты себе придумал?! Что о себе возомнил?! Я тебя никогда не любил и даже не был в тебя влюблён! – закричал Ели.

От удара мощных еловых лап и громогласного крика стекло разлетелось вдребезги. Вихрь осколков пронзил Лёли насквозь и изрешетил всё на куски. Летели иголки, стёкла, ёлочные игрушки. От ударной волны такой ярости и силы Лёли взметнуло и выкинуло из комнатухи вместе с дверьми, кубарем протащило по лестницам и пролётам. А затем перетерло и перекутило вместе со всем скопившимся в подвале и зацепленным по пути мусором, протащило и обвалило в болотистой грязи поймы, сбросило и понесло вниз по течению реки вместе со сточными водами.

Очнулся он в тине болот Запустенья. В небо гордо вздымались белые головы нарциссов. От него не осталось ничего целого и живого. Всё время что-то сочилося и лилось – кровь, яд, гной и слёзы. Из него словно выдернули позвоночник, и он растёкся лужей перемолотой биомассы. Распался на куски, которые нестерпимо дико орали от постоянной боли. Никто его не видел. А если бы и увидел, то не узнал. Помощи, как обычно, ждать было не откуда и не от кого. Он снова был один. Его попытка удрать и найти новых настоящих друзей, свой мир, где, возможно, его будут рады видеть и примут свои, с треском и грохотом провалилась. Сначала он долго лежал. Просто не мог подняться. Пытался прийти в себя и понять, что делать. Голову гулло долбили слова Ели – «с чего ты взял, я никогда тебя не любил».

Когда говорят про море слёз – это не шутки. Лёли понятия не имел, откуда их у него столько. Как тело может вмещать в себя столько воды. В них уже было можно плавать и утонуть.

«Ich wille in Meer zwischen mir und meiner Vergang'n heit Ein Meer zwischen mir und allem Waswar...Ich wille in'Ozean[13]¹».

Через боль он начал собирать себя заново по кускам. О, со временем ты понимаешь истинный смысл истории Франкенштейна. Ползая по кучам своей плоти, Лёли осознал, что без костей, скелета и опор ему больше не подняться. И он начал растить новые. Время текло медленно. Лёли раскапывал и внимательно смотрел, что ему нужно снова взять себе, а от чего избавиться. Что нужно оставить, но придётся вылечить, а что взять и оставить как есть, потому что нужно идти отсюда, а лечение будет долгим.

И тут он с удивлением откопал своё рыжее чудо. Перед ним лежала девочка-лиса и таращилась, как и он, испуганными глазами. Они одновременно фыркнули и сморщили носы, и тогда Лёли понял, что они части единого целого, неотъемлемые части друг друга. Что это та часть его, о которой он даже не подозревал. Ели помог её высвободить и найти, как бы это ни было удивительно. Она дала ему свои кости и скелет. Она расцарапала лапками, а потом приладила и вытащила оправу из осколков разбитых стёкол. Она, уйдя и спрятавшись внутрь, оставила снаружи левое лисье ухо и рыжий «фост». (Она называла свой хвост – фост.) Лёли улыбнулся, это было так по-девчачьи мило.

Фост был роскошным, Лёли часто мог даже опереться на него. Первое время его мотало, маяло и шатало. Тела и сущности в итоге приладились и заново срослись, ведь лиса всегда была с ним, она была и будет его частью. Анима и Анимус. Она тоже была ещё неопытна и слаба, практически новорождённой в этом мире. Силы были нужны им обоим. Силы и время. Новое мышление и привычки. А ещё цель, карта и компас.

¹ Я хочу видеть море между мной и моим прошлым. Море между мной и всем, что было. Я хочу океан. AppenMayKantereit. Прим. авт.

Калейдоскоп осколков

Нужно было возвращаться домой. Как-то он смог забраться на стебли и, минуя стражей кладбища и болот, залезть поглубже в свою нору. Он забился в самый дальний угол, лежал и, не засыпая, видел сны. В них он снова и снова говорил с Ели, всё пытаясь что-то ему рассказать и объяснить. Эти бесконечные и бессмысленные монологи отчаяния не приносили облегчения, наоборот, вызывали лишь слёзы, которые текли рекой и заново солили свежие раны. Боль была повсюду, – внутри и снаружи. Страшная, всепоглощающая, пронзительная и звенящая боль. Золотая шкатулка бесчисленно доставала и задвигала блестящие грани, сенобиты приходили пытаться, меняясь возобновляемой каждые день и ночь чередой. Это было чистилище Долины петель.

Лёли не хотел никого видеть и ни с кем говорить. Когда куда-то выбирался и чем-то занимался, он должен был всё время быть уверен, что в любой момент сможет быстро и незаметно сбежать. Слёзы могли начать литься внезапно. Лёли не хотел, чтоб его видели таким. Он ненавидел слабость и жалость. Раздражался и злился, что не может побороть эти дурацкие чувства (это же его чувства, и он должен ими управлять, держать под контролем их и себя!). После того, что произошло, Лёли должен был вычеркнуть из памяти всё и идти дальше, не вспоминать и не оглядываться. А его так размазало. «На обиженных воду возят», – пилил он себя голосом матери прописными истинами стеблевого мира.

Его тело и сознание изменилось. Лёли думал, что, как раньше, немного полежит, очухается, встанет на лапы и всё будет как прежде. Ион сможет жить, отстранившись, не обращать внимания на эту поверхностность, глупость и пустоту, царившую вокруг. Ведь жил же он так раньше, значит, сможет снова. Уж лучше так, чем то, во что он превратился сейчас. Словно заживо гниющая и раз за разом переваривающая, выплевывающая и снова поедающая себя трясущаяся плоть. Как будто его тело и кровь были насквозь отравлены изнутри ядом, который не выходил и не приживался. Тело отекло и раздулось, защищая себя от всего, что может причинить ещё хоть чуточку боли. Любая капля могла стать последней пулей в лоб. И жаль, что её всё так и не было. Чем так мучиться... Только бы больше не...

Бывали спасительные периоды забвения. Иногда он снова уходил и терялся там, блуждал в своём Запустенье, без цели, чувств, мыслей, слов и слёз. Без боли. И понемногу приближался к прямой линии после тех бешеных амплитудных скачков в крайние точки шкалы. «Куда уехал цирк, он был ещё вчера[14]¹».

– Что-то я совсем тону, а до конца не тонется. Походу, даже смерть меня не хочет, – усмехнулся он, – надо как-то выбираться. «A little party never killed nobody[15]¹» – подумал Лёли и отправился со всеми в какую-то очередную бессмысленную и пошлую вылазку кататься на весёлом паровозике («из Ромашково», – фыркнула внутри лиса). Что-то ели, что-то пили, над чём-то смеялись, и он даже улыбался в ответ. Остановились, поезд начал разворачиваться, Лёли стал отходить, оступился и свалился в овраг. Подняться и встать уже не мог, кажется, сломал левую лапу. Сверху раздавался смех, кто-то высунулся, увидел его, помахал и крикнул: «Ну, давай! Выберешься – догоняй!» Голоса наверху стихли. Все ушли. Лёли лежал один и смотрел на звёзды.

¹ В. Леонтьев. Прим. авт.

¹ Fergie. Прим. авт.

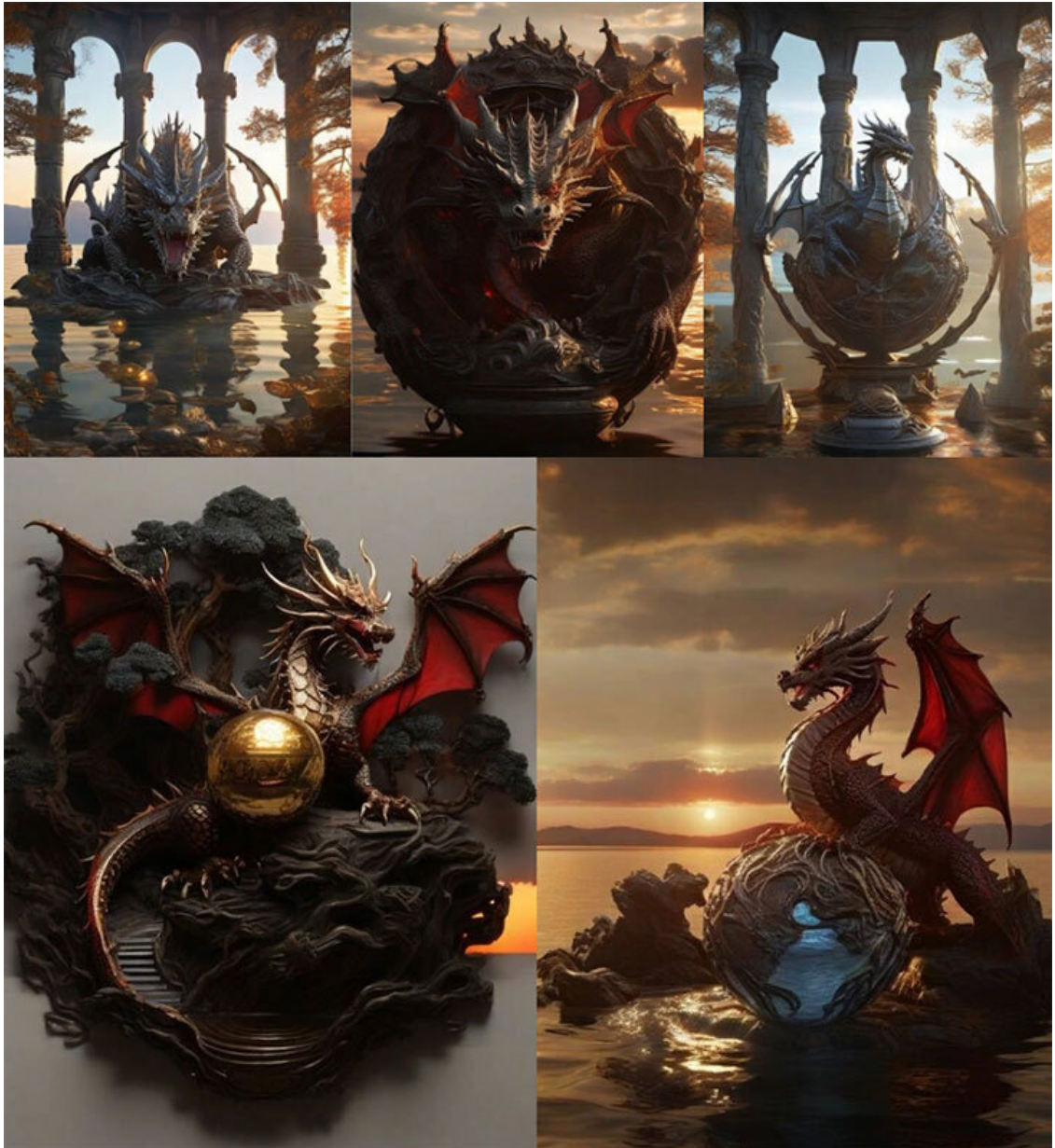
Междупутье

Мысли в голове разбредались, словно овцы в поле. Охренеть. Просто охренеть. И что теперь? Сам я отсюда не выберусь. Ждать? Но кого или чего? Никто не придёт, не спасёт и даже не убьёт меня, чтоб уже нахуй всё это закончилось.

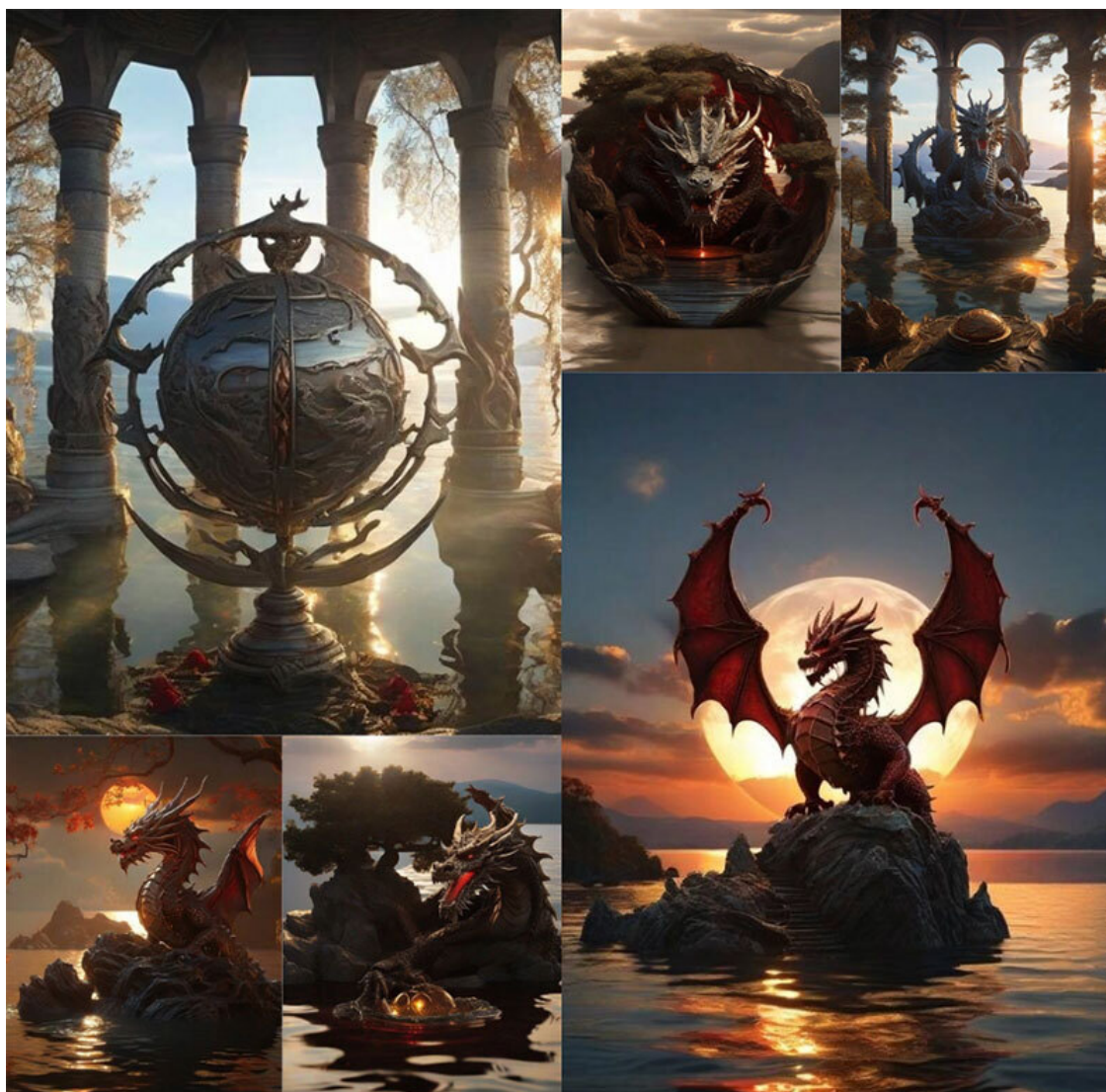
Склоны были скользкие, вокруг не было никого. Вскоре начался дождь, небо опускалось всё ниже, словно сливалось и становилось одного цвета и массы с землёй. Котлован, куда он рухнул, чем-то напоминавший глиняный карьер, постепенно заполнялся водой. Пробуя ползком выбраться, Лёли раз за разом скатывался вниз, карабкался и съезжал. Так прошло много времени. Почему не сдавался и за что боролся, ему самому было непонятно. В его правилах самоубийство было грехом, и если ещё его не забрали отсюда, – надо было что-то делать. Он стремился наверх, а его бесконечно тащило вниз.

– Ты ничтожество, до тебя никому нет дела. В тебе ничего нет. Ты никто. У тебя ничего не получится, – голос в голове хлестал каждым словом, как плетью, бил с отяжечкой и наотмашь. Лёли начинал сползать в это, утопать, как в песке. Шаг – и вниз. Мысль – и вниз. Оползнем тянется струя, подцепляя и таща вниз за собой всё новые и новые слои земли и тебя. Начинается внезапно. Возникает из ниоткуда. Только что было всё хорошо. Утро. Ты проснулся, улыбаешься новому дню, строишь планы. Потом лицо перекашивается, улыбка съезжает, как при инсульте, а вслед за ней уходит осознание и ощущение себя. Это сильно подкашивает. В твоём мире, среди кого и чего ты сейчас живёшь, нельзя быть слабым. Тебя уничтожат. Убьют. Съедят. Здесь нужно сражаться, чтобы выжить. Нужно быть всегда начеку, на голову умнее, сильнее, опаснее и хитрее, чтобы пройти все ловушки и выбраться в другой мир. Потому что этот, и тот, что ниже и темнее, будут тащить тебя обратно вниз.

Свалившись пару раз в котлован и побарахтавшись в нем, Лёли нашёл кованую сферу. С одной стороны у нее был красный витой крест, с другой – синяя раковина, а сверху торчало разорванное звено огромной цепи. Лёли смог занырнуть, пролезть внутрь шара и разместиться там, почти упираясь в стенки.

На дальнем конце карьера росло огромное дерево, с макушки свисала цепь. Дерево облюбовал варановый дракон, который прилетал, садился на него и склонял цепь почти в самую воду. Дракон дожидался последнего луча солнца, взмахивал крыльями и снова улетал. А у Лёли созрел план: если, когда цепь опустится в воду, подцепить её звено за сферу, пробраться внутрь и дожидаться, когда дракон взлетит, – цепь вытащит его, а сфера защитит при падении.

Так он и сделал. Протащил сферу по дну, пока дракона не было, к месту, куда опускалась цепь. Когда дракон прилетел, а солнце уже почти село, Лёли подплыл под водой к сфере. Он дышал через камышовую трубочку, чтобы не спугнуть зверя. Потом прицепил цепь к звену, пролез внутрь и стал, уперевшись лапами, ждать. В мутной воде не было ни черта видно, но вот цепь дёрнулась и чуть не слетела, резкий рывок – и шар полетел сначала в небо, а потом, ломая деревья, рухнул в лесу. Выбравшись, Лёли увидел вдали ту дорогу, с которой свалился когда-то. Повернувшись к ней спиной и даже не обернувшись, он, спотыкаясь, пошёл прочь по сливавшемуся с небом серому полю.

Чащоба Запустенья

Над сумрачным полем царил вечный туман. Лёли тащился по нему, почти не поднимая головы и смотря под ноги, чтобы не упасть. Когда началась чаща, и как он забрёл в этот почти непроходимый бурелом, плутая и уходя всё дальше и глубже, он не знал. Руки хватали ветки, ноги то скользили по мху, то цеплялись за корни, лицо-морду царапали кусты. Неба почти не видно, еды и воды не было уже много дней, как и чистого воздуха. Дыша этим всепроникающим, тяжелым и пахнущим чем-то неживым туманом, он словно проглатывал его, как пищу. И это отравляло его. Всюду были корни и ветки, и казалось, что они все составляли большую, толстую паутину, в которой Лёли вот-вот должен застрять. А после его утащит какой-то огромный и следящий за ним из-за каждого ствола паук, чтобы высосать всю кровь и сожрать.

Лёли словно жил и не жил одновременно. Мысли постоянно возникали и набивались в голову роем, вылетали и словно зависали в воздухе, а потом вновь беспорядочно металась и кружились. Неуправляемая мурмурация. Когда ты будто в центре торнадо, твоего вечного хаоса из обрывков каких-то заплаток, осколков и рваных цепочек мыслей о себе, о вечном, о твоей дороге и мечте, о мире вокруг и о том, где ты должен быть. И этот мир, который пока не представляешь, а только смутно ощущаешь, который брезжит где-то на горизонте сознания, он настолько другой и отличается от того, где ты сейчас, что ты понятия не имеешь, куда идти и как в него попасть, где он, и существует ли вообще.

И ты отчаянно завидуешь более приземлённым людям, которым, сука, всё ясно и понятно. Что, куда, как, зачем и почему. Вот пункт А, вот Б и все промежуточные В, Г, Д как на ладони. Все видны и понятны. Один ты застрял в вечном междупутье. Между дорогами, мирами, людьми. Ни там, ни здесь нет тебе места, всё не то. А так, как тебе надо, кажется, и быть не может. Столько надо смешать и сплести, вытащить, протянуть и перекрестить нитей несоединимого и противоположного. Того, что люди даже рядом не поставят в трезвом уме и твёрдой памяти, а тебе надо и то, и другое, и третье, и только так.

Окончательно выбившись из сил и падая с ног от усталости, жажды и голода, Лёли куда-то влез и свалился в какую-то то ли дыру, то ли нору. Было тепло и сухо, и впервые за многие месяцы и дни – безопасно. Лёли притих и уснул. Ему приснилась Таверна.

Таверна ПТАН

Про это место ходили разные слухи и легенды, Таверну держали двое – маг-страж и артефактолог Рокот и ведьма-ключница Лиусла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.